

Глава 1

ОБ АБСОЛЮТНОМ ДАО

Об Абсолютном Дао Лао-цзы говорит:

*Дао, о котором можно что-то сказать, —
Не Абсолютное Дао.*

О происхождении взаимосвязанных противоположностей он говорит:

*Когда все в Поднебесной постигают прекрасное как
прекрасное,
Появляется и признается уродство.
Когда все в Поднебесной постигают добро как добро,
Появляется и признается зло.*

*Поэтому
Бытие и небытие порождают друг друга;
Трудное и простое дополняют друг друга;
Длинное и короткое соотносятся друг с другом;
Высокое и низкое определяют друг друга;
Звуки и голоса сливаются в гармонии;
То, что впереди, и то, что позади, следуют вместе.*

*Поэтому мудрец
Совершает деяния, пребывая в бездействии;
Проповедует учение, не прибегая к словам.
В бесчисленном множестве вещей
Он ничего не отвергает;
Все принимая, он ничем не обладает;*

*Действуя, не ожидает вознаграждения;
Достигая совершенства, не требует уважения.*

*И именно потому, что он не требует уважения,
Уважение невозможно у него отнять.*

Я говорю о Махавире из чувства долга — мое сердце не с ним. Он слишком математичен. Он не мистик, в нем нет поэзии существования. Он велик, он просветлен; но он похож на огромную пустыню; в нем невозможно найти ни одного оазиса. Но поскольку я родился джайном, мне приходится отдавать долги. Я говорю о нем из чувства долга, но мое сердце не с ним — я говорю о нем только из ума. Когда я комментирую Махавиру, я говорю как сторонний наблюдатель. Махавиры нет внутри меня, а меня нет внутри него.

То же самое я могу сказать о Моисее и Магомете. У меня нет желания говорить о них, и я не говорю о них. Если бы я не родился джайном, я бы никогда не говорил и о Махавире. Мои ученики-мусульмане и мои ученики-иудеи часто подходят ко мне и спрашивают: «Почему ты не комментируешь Магомета или Моисея?» Мне трудно им это объяснить. Глядя на их лица, я много раз принимал решение сделать такие комментарии; много раз я приглядывался к высказываниям Моисея и Магомета, но затем снова отодвигал их в сторону. Ничто не отзывалось в моем сердце. Если бы я стал говорить о них, это было бы нечто мертвое. Я даже не испытываю к ним чувства долга, как к Махавире.

Они все относятся к одной категории: они слишком расчетливы и придерживаются крайних взглядов, отвергая при этом другую полярность. Они представляют собой одиночные ноты — не созвучия, не симфонии. У одиночной ноты есть своя красота, строгая красота, но такая нота монотонна. Слышать ее время от времени — одно дело, но если нота продолжает звучать долго, вы чувствуете скуку, вам хочется прервать ее звучание. Личности Махавиры, Моисея и Магомета подобны одиночным нотам — простым, строгим, даже

красивым — когда их слышишь изредка. Так что если я встречу на своем пути Махавиру, Моисея или Магомета, я отдам им дань уважения — и уйду подальше от них.

Я говорю о Кришне. В нем множество измерений, он сверхчеловек, чудотворец, но он больше похож на миф, чем на реально существующего человека. Он настолько экстраординарен, что такого человека просто не может быть. Такие люди не могут существовать на этой земле — они существуют только как сны. Мифы — это не что иное, как коллективные сны. Все человечество видит эти сны... красивые, но неправдоподобные. Я говорю о Кришне и наслаждаюсь, но я наслаждаюсь этим так, как можно наслаждаться красивой историей, и тем, что ее рассказываешь. В этом мало смысла — это просто вселенские сплетни.

Я говорю об Иисусе Христе. Он вызывает во мне чувство глубокой симпатии. Я бы хотел страдать вместе с ним, я бы хотел помочь ему нести его крест. Но мы остаемся в параллельных плоскостях, мы никогда не встречаемся. Он такой печальный, такой обремененный — обремененный страданиями всего человечества. Он не умеет смеяться. Если вы идете рядом с ним слишком долго, вы становитесь печальными, вы перестаете смеяться. Его окружает уныние. Я сочувствую ему, но я бы не хотел быть похожим на него. Я мог бы идти рядом с ним некоторое время и разделить его бремя, но потом бы мы расстались. У нас разные пути. Он добродетельный, но — чересчур добродетельный, почти не по-человечески добродетельный.

Я говорю о Заратустре — очень редко, — но я люблю его, как друг любит друга. С ним можно посмеяться. Он не моралист, не пуританин, он умеет наслаждаться жизнью и всем, что она дает. Он хороший друг, с ним всегда можно быть рядом — но он просто друг. Дружба хороша, но ее недостаточно.

Я говорю о Будде, я люблю его. В течение многих веков, в течение многих жизней я любил и продолжаю любить его. Он чрезвычайно прекрасен, невероятно прекрасен, великолепен. Но он не на земле, он не касается ногами земли. Он парит в

небесах и не оставляет следов. За ним невозможно следовать, вы никогда не знаете его местонахождение. Он похож на облако. Иногда вы встречаетесь с ним, но это случайность. Он настолько совершенен, что не может пустить корни в земле. Его предназначение — высшие сферы. В этом отношении он односторонен. Земля и небо не встречаются в нем. Он божественен, но ему недостает чего-то земного. Он подобен пламени, прекрасному пламени, но у этого пламени нет фитиля, нет чаши с маслом — вы видите пламя, оно поднимается все выше и выше, но ничто не удерживает его на земле. Я люблю его, я говорю о нем из самого сердца, но дистанция все же остается. Она всегда остается в таком явлении, как любовь, — вы подходите все ближе и ближе, но даже в близости дистанция сохраняется. Из-за этого страдают все любящие.

О Лао-цзы я говорю совершенно по-другому. У меня нет к нему никакого отношения, потому что отношение подразумевает дистанцию. Я не люблю его — как можно любить самого себя? Когда я говорю о Лао-цзы, я как будто говорю о самом себе. Мое существо и он — одно целое. Когда я говорю о Лао-цзы, я как будто смотрю в зеркало — в нем отражается мое лицо. Когда я говорю о Лао-цзы, я полностью с ним. Даже сказать: «Я полностью с ним» — будет неверно. Я — это он, он — это я.

Историки сомневаются в его существовании. Я не могу сомневаться в его существовании, потому что — как я могу сомневаться в своем собственном существовании? В тот самый момент, когда я стал возможным, он стал реально существующим для меня. Даже если историки докажут, что он никогда не существовал, для меня это не имеет значения. Он, несомненно, существовал, потому что я существую, я — доказательство. В последующие дни, когда я буду говорить о Лао-цзы, я не буду говорить о ком-то другом. Я буду говорить о себе — так, как будто Лао-цзы говорит от имени другого человека, от имени другой *намарупы*, другого воплощения.

Лао-цзы не похож на Махавиру, он совсем не математичен, и при этом он очень-очень логичен в своем безумии. У него

безумная логика! Когда мы перейдем к его высказываниям, вы постепенно сможете это почувствовать; его высказывания не совсем ясны и понятны. У него своя логика: логика абсурда, логика парадокса, логика безумца. Он задевает за живое.

Логику Махавиры могут понять даже слепые. Чтобы понять логику Лао-цзы, вам придется открыть глаза. Она очень утонченная; это не обычная логика логиков, это логика очень тонкой, скрытой жизни.

Все, о чем говорит Лао-цзы, на поверхности кажется абсурдным, но глубоко внутри представляет собой величайшую последовательность. Вы должны проникнуть в нее; чтобы понять Лао-цзы, вам нужно изменить свой ум. Махавиру можно понять, вообще не меняя свой ум; вы можете понять Махавиру, будучи такими, какие вы есть. Он находится с вами на одном уровне. Как бы далеко он ни ушел от вас, несмотря на достигнутую цель, он находится на одном с вами уровне, его путь тот же, по которому идете вы.

Когда вы пытаетесь понять Лао-цзы, то обнаруживаете, что он движется зигзагообразно. Иногда вы видите, что он идет на восток, а иногда — на запад, так как он говорит, что восток — это запад, а запад — это восток, что они неразделимы, что запад и восток — это единое целое. Он верит в единство противоположностей. А жизнь именно такова.

Поэтому Лао-цзы просто говорит от имени жизни. Если жизнь абсурдна, Лао-цзы абсурден; если у жизни абсурдная логика, у Лао-цзы такая же логика. Лао-цзы просто отражает жизнь. Он ничего не прибавляет, ничего не убавляет. Он просто принимает все таким, каково оно есть.

Духовность Будды увидеть легко, очень легко; ее невозможно не заметить — настолько он великолепен. Но духовность Лао-цзы увидеть непросто. Он такой обычный — совсем

как вы. Ваше понимание должно измениться. Будда проходит мимо — и вы сразу чувствуете, что это высшее человеческое существо. Он распространяет вокруг себя волшебный аромат высшего человеческого существа. Его трудно не заметить — почти невозможно. А Лао-цзы... Он может быть вашим соседом. Вы можете его не заметить, потому что он такой обыкновенный, такой удивительно обыкновенный. И в этом есть своя красота.

Стать необычным легко: для этого нужно только усилие, нужны совершенствование, постоянное развитие. Это глубокая внутренняя дисциплина. Вы можете стать очень-очень возвышенным, совершенно неземным. Но быть обыкновенным — это действительно самое необычное явление. Никакое усилие здесь не поможет — необходимо отсутствие усилия. Не помогут никакие практики, никакие методы, никакие способы — только понимание. Даже медитация не поможет. С помощью медитации вы можете стать Буддой. Но она не поможет вам стать Лао-цзы — только понимание. Понимание жизни такой, какая она есть, и проживание ее с бесстрашием — не убегая, не скрываясь от нее, мужественно встречаясь с ней лицом к лицу, что бы там ни было: плохое или хорошее, божественное или дьявольское, рай или ад.

Очень трудно быть Лао-цзы, и очень трудно его распознать. На самом деле, если вы способны его распознать, вы уже Лао-цзы. Чтобы заметить Будду, вам не нужно быть Буддой, но чтобы узнать Лао-цзы, вам самому нужно быть Лао-цзы — иначе это невозможно.

Говорят, что однажды Конфуций решил встретиться с Лао-цзы. Лао-цзы был пожилым человеком, Конфуций — моложе его. Лао-цзы был практически неизвестен, Конфуций — знаменит. Короли и императоры приглашали Конфуция ко двору, мудрецы приходили к нему за советом. В то время он был самым мудрым человеком в

Китае. Но потом он, должно быть, почувствовал, что мудрость, приносившая пользу другим, его самого не наполняла блаженством, никуда его не вела. Он стал знатоком, полезным, может быть, для других, но не для самого себя.

Поэтому он втайне начал искать кого-нибудь, кто мог бы ему помочь. Обычные мудрецы были не в состоянии ему помочь, так как они сами приходили к нему за советом. Великие ученые не могли ему помочь, поскольку они сами спрашивали его о своих проблемах. Но должен же быть кто-нибудь — мир так велик! В тайне от всех он начал поиск.

Он попросил своих учеников найти того, кто мог бы ему помочь. Они вернулись с известием, что есть один человек — никто не знает его имени, — которого называют Стариком. Лао-цзы значит «старик». Лао-цзы — это не имя, никто не знает его имени. Он был настолько неизвестен, что никто не знает, где он родился и кто были его родители. Он прожил девяносто лет, но лишь немногим довелось встретиться с ним, очень немногим, — тем, у которых были другие глаза и другое видение, и поэтому они смогли понять его. Только избранные знали о нем — такой обыкновенный человек, но постичь его могли лишь редчайшие из человеческих умов.

Узнав, что существует человек, известный как Старик, Конфуций отправился к нему. Когда он увидел Лао-цзы, то почувствовал, что этот человек обладает огромным пониманием, огромной интеллектуальной честностью, огромной пронизательностью, гениальностью. Конфуций почувствовал, что в Лао-цзы что-то есть, но не мог понять, что именно. В нем было что-то загадочное, мистическое; он не был обычным человеком, хотя выглядел совершенно обыкновенно. Что-то было скрыто в нем, какое-то сокровище.

Конфуций спросил: «Что ты скажешь о морали? Что ты скажешь о том, как развить добродетельный характер?» Поскольку Конфуций был моралистом, он считал, что если вы разовьете добродетельный характер, то это будет величайшее достижение.

Лао-цзы громко рассмеялся и ответил: «Вопрос о морали возникает только в том случае, если ты аморален. И о характере ты думаешь только в том случае, если у тебя нет никакого характера.

Человек с характером даже не подозревает, что существует что-то вроде характера. Моральный человек не знает, что значит слово „мораль“. Поэтому не будь глупцом! И не пытайся ничего развивать. Просто будь естественным».

И у этого человека была такая мощная энергия, что Конфуций начал дрожать. Он не смог находиться рядом с Лао-цзы. Он сбежал. Он испугался — испугался так, словно оказался на краю бездны. Когда он вернулся к своим ученикам, ждавшим его под деревом, те не поверили своим глазам. Этот человек бывал у императоров, у величайших императоров, и они никогда не замечали в нем никакой нервозности. А сейчас он дрожал весь в холодном поту. Ученики не верили своим глазам — что случилось? Что этот Лао-цзы сделал с их учителем? Они спросили его об этом, и он ответил: «Подождите немного. Дайте мне прийти в себя. Этот человек опасен».

И вот что рассказал он своим ученикам о Лао-цзы: «Я слышал об огромных животных, таких как слоны, и я знаю, как они ходят. Я слышал о загадочных животных в море, и я знаю, как они плавают. Я слышал об огромных птицах, которые летают на тысячи миль от земли, и я знаю, как они летают. Но этот человек — дракон. Никто не знает, как он ходит. Никто не знает, как он живет. Никто не знает, как он летает. Никогда не приближайтесь к нему — он подобен бездне. Он похож на смерть».

Именно так можно описать мастера: мастер похож на смерть. Если вы подходите к нему близко, слишком близко, вас охватывает страх, вы начинаете дрожать. Вами овладевает неизвестный страх, как будто вы скоро умрете. Говорят, что Конфуций больше не встречался с этим стариком.

С одной стороны, Лао-цзы был обычным, с другой стороны, — самым необычным человеком. Его необычность не такая, как необычность Будды. Он был необычным совершенно по-другому, его необычность была не так очевидна — она была скрытым сокровищем. Он не был чудотворцем, как

Кришна, он не творил никаких чудес, но все его существо являло собой чудо: то, как он ходил, то, как смотрел на вас, то, каким он был. Все его существо было чудом.

Он не был печальным, как Иисус; он умел смеяться, он мог смеяться из самого живота. Говорят, что он смеялся в момент рождения. Дети рождаются с плачем, с криком. О нем говорят, что он родился, смеясь. Я чувствую, что это наверняка правда: такой человек, как Лао-цзы, скорее всего родился смеющимся. Он не печален, как Иисус. Он умеет смеяться и смеяться от души, но глубоко внутри в его смехе есть печаль, сострадание — сострадание к вам, ко всему существованию. Его смех не поверхностен. Заратустра смеется, но его смех другой — в нем нет печали.

Лао-цзы печален, как Иисус, и печален не как Иисус; Лао-цзы смеется, как Заратустра, и смеется не как Заратустра. В его грусти есть смех. В его смехе есть грусть. В нем встречаются противоположности. Лао-цзы — это созвучие, симфония.

Помните... я не комментирую его. Между ним и мной нет дистанции. Он говорит с вами через меня: через другое тело, другое имя, другое воплощение — но говорит тот же самый дух.

Теперь мы переходим к сутре:

*Дао, о котором можно что-то сказать, —
Не Абсолютное Дао.*

Позвольте мне сначала рассказать вам, как эти сутры были написаны, потому что это поможет вам их понять. Лао-цзы жил девяносто лет — на самом деле, он ничего не делал, кроме того, что жил. Он жил тотально. Ученики неоднократно просили его написать что-нибудь, но он всегда говорил: «Дао, о котором можно что-то сказать, — не настоящее Дао. Истина, о которой можно что-то сказать, немедленно становится ложью». Поэтому он ничего не говорил, ничего не писал. Что же тогда делали рядом с ним ученики?